

Алексей К. Смирнов
Место в Мозаике

Повесть-сказка для детей и взрослых

Алексей Константинович Смирнов
Место в Мозаике. Повесть-
сказка для детей и взрослых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9024542

ISBN 9785447405205

Аннотация

Повесть-сказка о приключениях Сандры и Патрика, волею судьбы принявших участие в строительстве Мозаики Миров. Многоликий Бартамон, он же Аластор Лют, пытается заставить их действовать по своему вкусу.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	14
Глава 3.	35
Глава 4.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Место в Мозаике
Повесть-сказка для
детей и взрослых

Алексей Константинович
Смирнов

Александре и Александре

© Алексей Константинович Смирнов, 2017

ISBN 978-5-4474-0520-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

Море, пляж, солнечный полдень

На берегу Тарховского моря, в сорока верстах от города Святопавловска мирно и незатейливо жил рыбацкий поселок. Таких, как он, оставалось немного. В других местах жители давно обзавелись мощными траулерами, построили заводы, где выпускали консервы, а скособоченные лачуги превратились в сказочно дорогие особняки из красного кирпича. И только кое-где, а почему – неизвестно, сложилось так, что стародавний уклад жизни почти не изменился и меняться не собирался. Таким был и этот поселок в пару десятков неказистых домов. Жителей поселка такое положение дел вполне устраивало. Всё здесь жило по правилам, установленным истари: в простых, но прочных, хорошо просмоленных лодках рыбаки уходили на промысел, а семьи ждали их на берегу, твердо зная, что будет день – будет и пища. В поселке всегда было вдоволь еды – большей частью, конечно, рыбы, но ели также и крабов, и устриц, и даже осьминогов (этих, разумеется, не часто). Попробуйте сами поймать осьминога, когда его щупальца, яростно возмущая воду, раскачивают бедняцкий челн, а в вашем распоряжении лишь сеть, длинный нож да крепкие руки. Но, хоть выбор и не был богат, кушанья, приготовленные из морской добычи, поража-

ли самую буйную фантазию. Когда на столе сплошная рыба, поневоле начнешь изобретать что-то особенное. И хозяйки подавали к обеду такие блюда, что не снились владельцам фешенебельных ресторанов. А икры было столько, что дети, случалось, капризничали и отказывались ее есть.

Были в рыбацкой жизни и радости, и огорчения. Порою налетал шторм, а то еще выдавалась на редкость долгая и суровая зима – в такое время всё в поселке замирало, жители сидели по домам и радовались, что успели запастись всем необходимым. Они вообще не очень-то любили унывать, эти рыбаки, и хорошего и веселого видели гораздо больше, чем злого и грустного. Между прочим, то были вовсе не темные, неграмотные люди, которые ничего не желают знать о Мире Больших Возможностей. В конце концов Святопавловск – огромный современный город – находился совсем рядом, и рыбаки нет-нет, да и наведывались туда – главным образом, с целью продать что-нибудь из свежего улова. Горожане, устав от консервов и дорогих филейных нарезок, охотно покупали у них рыбу, а те везли из города в поселок книги, одежду, инструменты. Иногда, скопив денег, возвращались с телевизором или, скажем, с микроволновой печью. И жизнь продолжала течь дальше, как текла. Никто их не притеснял и не грабил, поскольку воры и разбойники отлично знали, что взять в поселке, в общем-то, нечего. А праздники рыбаки могли устраивать себе сами, когда им этого хотелось – выбирай любой день, не ошибешься, а то

гуляй хоть круглый год напролет. Но они, конечно, будучи людьми работающими, семейными, так не поступали.

Вот в каком месте жила Сандра – маленькая девочка, которая к началу нашей истории успела разделаться с завтраком и подумывала выйти на пляж, где изо дня в день возилась в песке и слушала чаек.

На завтрак ей снова дали рыбу, но к рыбе в придачу – фруктовый йогурт, пирожное и грейпфрутовый сок. Сандра для порядка заревела, но мама сделала такое лицо, что всякое желание капризничать исчезло. К тому же, едва Сандра принялась за еду, она пришла в восторг, потому что – как это маме удастся? – рыбу было просто не узнать, мама приготовила ее совершенно по-новому – так, что не чувствовался надоевший вкус и стало похоже на что-то заморское и дорогое. Настроение у Сандры сделалось превосходное. Она пила сок, болтала ногами и весело поглядывала в окно, за которым грелся на солнышке бесконечный пляж. Но прежде чем туда отправиться, ей предстояло еще одно важное дело: сама-то она была уже сыта, а вот любимые звери за ночь здорово проголодались. Сандра сползла с лавки и чинно прошла в спальню, где в ожидании завтрака расселась на диванчике неразлучная троица: пластмассовый слон, умевший шевелить хоботом, плюшевый заводной пес с надорванным ухом и тряпичный котик, способный три раза подряд пропищать «мяу». Перед каждым Сандра поставила блюдце, предупредила, что там лежит очень вкусная рыба, и занялась чаем.

Чай она наливала из подушки в маленькие деревянные чашечки. Когда стол был накрыт, Сандра напомнила друзьям, что чай очень горячий, надо подуть и положить сахару. Наконец, все наелись и напились, можно было отправиться погулять. Сандра уложила всю компанию в корзинку (едва ли не больше ее самой) и потащила к дверям. Мама уже караулила, держа обеими руками огромную соломенную шляпу с бумажной фиалкой. Сандра и оглянуться не успела, как шляпа уже сидела у нее на макушке. Шляпа ей нравилась, и Сандра в любом случае взяла бы ее с собой на прогулку, только она не любила, когда ей что-то надевают без спроса. Она старалась всё делать сама и теперь насупилась, собираясь закатить скандал, но мама, зная наперед все Сандрины штучки, быстро распахнула дверь. При виде солнечного пляжа Сандра моментально позабыла про свои обиды и устремилась за порог, волоча за собой корзину.

Море тихо шипело, накатываясь плоским влажным языком на темный песок. Горожанин сказал бы, что вода такого безупречного синего цвета бывает только в кино. А Сандра так не сказала бы никогда. Она привыкла к морю, как привыкают абсолютно ко всему на свете, оно ее ни капли не удивляло и лишь дарило стойкое чувство спокойного восхищения. Сандра была еще очень мала и в жизни ничего, кроме моря, не видела, а если что и было, так она позабыла давным-давно. Ей казалось, что это и есть вся жизнь: берег, зимой белый от снега, а летом – от света; вода – то синяя, то

черная, то схваченная льдом; мама, папа, несокрушимый домик и верные товарищи, ждущие терпеливо, когда же их вынут из корзинки и начнут развлекать.

Вооружившись совком, Сандра присела на корточки, высунула язык и приступила к копанию большущей ямы. Зачем эта яма нужна, Сандра толком пока еще не знала, но это ничего не значило. Такая полезная, важная вещь, как яма, на что-то да сгодится. Широкие поля шляпы отбрасывали тень, а Сандра уже добралась до сырого песка, который тоже был темный, и она могла не заметить что-нибудь интересное. Украдкой оглянувшись, Сандра подумала, что мама не видит, и быстрым движением сбросила шляпу. Мама, конечно, всё видела, потому что время от времени выглядывала из окна и проверяла, не украл ли Сандру морской чернокрылый гриф или не подбирается ли к ней брюхоногий скат, полный электричества и яда. Она заметила, как Сандра обошла со шляпой, но решила вмешаться чуть позже, когда солнце войдет в зенит и гулять с непокрытой головой станет действительно небезопасно. Тут что-то защелкало и затрещало на плите, и мама поспешила спасти обед – не иначе, подгорали рыбные котлеты.

Сандра копнула еще разочек, и совок наткнулся на камень. Она попыталась поддеть его, но камень оказался слишком велик, целый булыжник, и Сандра выпрямилась, озираясь в поисках инструмента покрепче. Краем глаза она уловила, что справа от нее, метрах в полутора над землей, что-

то происходит. Отложив на время раскопки, она с любопытством повернулась и стала всматриваться в прозрачное дрожащее облачко, которое распространяло слабый мелодичный звон и постепенно густело. Это выглядело настолько необычно, что Сандра позабыла обо всем на свете, выронила совок и разинула рот. Облачко делалось всё гуще и гуще, временами то темнея, то светлея, пока Сандра наконец не различила в нем две сцепившиеся фигуры – черную и белую. Они сплелись в колесо и бешено вращались, держа при этом друг дружку зубами за хвосты. Между ними шла очевидная драка, и это подтверждалось тонким сердитым мычанием, которое звучало всё громче. Вдруг в самом сердце колеса что-то вспыхнуло, и круг в тот же миг распался. Драчунны, обронив два каких-то предмета, упали навзничь в песок и тут же начали таять на глазах. Сандра, ни секунды не раздумывая, опасно это или нет, подбежала поближе. Фигурки лежали неподвижно, разметав лапки и вытянув беспомощно хвосты. Они становились всё более бесплотными и призрачными, но Сандра успела отметить, что лица у них человеческие – маленькие сморщенные бородатые рожицы, как у сказочных гномов. Незнакомцы, исчезая, больше не были черным и белым: теперь они оба окрасились одной бледно-телесной краской, как будто смерть сводила на нет все противоречия. Бесстрашная Сандра поспешно протянула руку, желая потрогать их, покуда они еще видны, но какая-то упругая сила с осторожной строгостью оттолкнула ее ладонь. Фи-

гурки, почти уже обратившиеся в тени, тоже заспешили, слышался легкий вздох, и дуэлянты пропали, а песок выглядел нетронутым, как и прежде.

Первым желанием Сандры было скорее побежать домой и всё рассказать маме. Она, конечно, так бы и поступила, но напоследок решила проверить, не прячутся ли пришельцы где-нибудь поблизости. Сандра глядела во все глаза, пока ее взгляд не вернулся к месту сражения: там что-то блестяло, почти полностью засыпанное. Сандра присела, смела песок и увидела два кусочка не то стекла, не то слюды. Оба с ладошку величиной, оба неправильной, словно были от чего-то отколоты, формы. А вот цветами они различались. Один осколок был чернее черного и не отражал ни единого лучика света. Другой переливался великим множеством красок. Сандра, знавшая всего-то названия семи цветов радуги, понятия не имела, как называется большинство этих оттенков. Восхищенная, она быстро схватила осколки. Едва ее пальцы сомкнулись, внутри кулака ощутилась странная борьба, как будто две разнородные силы ожесточенно отталкивали одна другую, продолжая схватку испарившихся хозяев. Впрочем, на Сандру это не произвело никакого впечатления. Она еще не знала, что чудес не бывает, и приготовилась сказать осколкам что-нибудь сердитое, чтобы они прекратили ссориться.

Когда на нее упала тень, Сандра по-прежнему сидела на корточках. Она обернулась и увидела мальчика в белых

трусах и газетной треуголке на бритой голове. Мальчику было столько же лет, сколько и Сандре. Его звали Патрик, а жил он через два дома направо. Как-то так вышло, что Сандра никогда с ним не играла, хотя видела довольно часто. Она выпрямилась. Патрик внимательно смотрел ей в глаза. Взрослый человек обязательно смутился бы от такого пристального рассматривания, но Сандра пока не умела смущаться. Она с гордостью раскрыла ладонь. Патрик продолжал смотреть, как смотрел, потом перевел взгляд на то, что показывала ему соседка. Он какое-то время рассматривал черепки, а затем неожиданно, без предупреждения, ударил Сандру по руке. Те вонзились в песок, Патрик оттолкнул Сандру – не больно, но грубо, – опустил на колени и, не долго думая, схватил цветное стеклышко. Оно, конечно, сильно выигрывало в сравнении с черным, и в том, что Патрик выбрал именно его, не было ничего удивительного.

Потрясенная Сандра не двигалась с места. Обычно отчаянно храбрая, она, без сомнения, при иных бы обстоятельствах задала ему ту еще трепку, но тут растерялась. А Патрик принял ее молчание как должное. Зажав в кулак разноцветный осколок, он встал с колен и быстро зашагал прочь. Он ни разу не оглянулся, уверенный, что никто не посмеет его преследовать. И рассчитал он правильно: Сандра, собравшаяся было возмутиться, передумала. Она решила, что, может быть, так и положено, и цветное стеклышко Патрику очень нужно. А если человеку что-нибудь очень нужно – что ж,

пусть забирает. Хватит с нее и оставшегося. Тем более что черный осколок тоже таил в себе нечто загадочное, нечто настолько интересное, что надо бы с ним разобраться. Странно – почему он все-таки не отсвечивает на солнце и только поглощает свет, ничего не отдавая взамен?

Поглощенная этими мыслями, Сандра чуть не забыла корзину с верными друзьями. Она вспомнила о них уже на полпути к дому, остановилась, обернулась: слон, котик и пес укоризненно глядели ей вслед. Недоумевая, как так могло получиться, Сандра вернулась, взяла в охапку дружную компанию и, баюкая всех сразу на ходу, пошла домой, где мама уже собирала на стол.

Сандра ни словом не обмолвилась о том, что произошло на берегу. Мама наверняка подумает, что ей напекло голову. Влетит же ей тогда за шляпу!

...А вечером черный кусочек черного чего-то куда-то закатился, потом опять нашелся, был спрятан в коробку для игрушек, и к следующему утру Сандра о нем позабыла – на долгие годы.

Глава 2.

Мальчик Чернил

Патрик распахнул окно, и несколько мух, утомленных знойным полднем, ворвалось в прохладную комнату. Их тупое жужжание было единственным звуком, прилетевшим снаружи: раскаленный Святопавловск беспомощно молчал. Миновал не один год с того дня, как Патрик покинул сонное бездумное побережье и перебрался в Народный Лицей, где его обучали наукам и правилам хорошего тона. Это было заведение для выходцев из бедняцких слоев общества. У выпускников Лицея была возможность возвыситься до уровня среднего класса и стать одним из тысяч и десятков тысяч мелких служащих – в лучшем случае. От лицеистов требовались главным образом прилежание и умеренность во всем – то есть то, на что Патрику было – тоже в лучшем случае – наплевать. Он ни секунды не сомневался, что стоит намного дороже, и тайно, когда никто не видел и не слышал, проклинал родителей за их убогую фантазию, из-за которой они и сами не добились в жизни успеха, и наследника обрекли на убогое, серое будущее. Себя, впрочем, он тоже не любил – себя нынешнего, одетого в то, что именуется «second hand», плюгавого, с жидкими прямыми волосами, раз и навсегда выбеленными солнцем, да еще и покрытого с недавних вре-

мен россыпью прыщей. Не лицо, а добрый огород в урожайную пору! Патрик часто подолгу простаивал перед зеркалом, изучая ненавистное седое отражение, пока не принимался с остервенением выдавливать прыщи, раздирая ногтями кожу. Брызги гноя оседали на стекле, а Патрик продолжал свое занятие, страдальчески ожесточаясь: ну и пусть! пускай, так и надо! – твердил он шепотом, глядя, как отражение всё больше покрывается отвратительными потеками. Таким он и должен быть, поделом. Отраженное лицо, горько скалясь из-под мутных разводов, полностью отвечало представлениям Патрика о себе самом. Тем не менее он был уверен, что он достоин всех богатств мира просто по праву рождения на свет.

Сегодня Патрик прогуливал урок – один из тех, что вел очень старый, выживший из ума магистр, вечно витавший в облаках и воображавший себя античным мудрецом, находящимся где-то в банях в окружении сонма восторженных учеников-переростков. В него плевали промокашкой, ходили на головах – блаженный старец ничего не замечал. Итак, Патрик распахнул окно, и солнце жарким комом ввалилось в его каморку. Патрик встал на четвереньки, пошарил под шкафом и вытащил плотно закупоренную банку с тремя живыми, обмякшими от ужаса и духоты лягушками. Сняв крышку, он ловко подцепил одну из них пинцетом за лапу и снова задраил банку. Поднявшись на ноги, он прошел к подоконнику и положил лягушку на солнце. Затем Патрик

опустил руку в карман и вынул громадное увеличительное стекло. Слегка прищурился глазами и сделавшись чрезвычайно внимательным, он расположил стекло в нескольких дюймах над вырывающейся лягушкой, чтобы солнечные лучи сложились в один лучик – острый и жаркий. Патрик вовсе не желал лягушке зла, она не сделала ему равным счетом ничего плохого, ему всего-навсего было любопытно, что произойдет дальше. О том, что лягушке этот опыт совсем не понравится, он не думал и удивился бы, если бы кто-то удосужился намекнуть ему на это.

Как только жжение стало невыносимым, лягушка забилась, тщетно пытаясь высвободиться. Патрику стоило больших трудов удержать ее на месте. Соппротивление дурацкой твари раздражало его. «Чем бы ее пристукнуть, не на смерть, а чтоб успокоилась?» Патрик повертел головой в поисках подходящего орудия. В этот момент дверь отворилась, и в комнату вошел его сосед, лицеист Додо, очень толстый и надоедливый.

– Что это ты задумал? – спросил он с ходу, направляясь к Патрику. Патрик, никого не ждавший, ослабил хватку, и лягушка из последних лягушачьих сил прыгнула в окно.

– Черт! – закричал Патрик, бросаясь животом на подоконник и свешиваясь вниз. Додо немедленно пристроился рядом. Но, как они ни всматривались в далекую булыжную мостовую, лягушку найти не смогли. Огорченный Додо сполз с подоконника и тут же снова повеселел, увидев банку

с пленницами.

– Э-э! – радостно сказал он. – Вот же еще две сидят!

– Этих – варить, – сердито буркнул Патрик, швыряя лупу на стол. Додо, прилипчивый и недалекий, пригорюнился. Его надежды рушились: он пришел выпрашивать у Патрика детские игрушки, которые тот хранил в обувной коробке под кроватью. Разумеется, не насовсем – Патрик никогда и никому ничего не дарил. Но теперь Додо сомневался, что Патрик одолжит ему свои талисманы даже на полчаса. А ему не хватало как раз трех фигур: без их участия силы двух игрушечных армий, уже выстроенных друг против друга в игротеке, были неравными. Делу могли помочь Хищный Динозавр, Галактический Военный Робот и Танк, но именно их Патрик почему-то считал амулетами, приносящими удачу, и другим показывал редко. Додо не помнил, чтобы тот хоть раз давал их кому-то играть, а уж сейчас. Додо, однако, был еще и упрям, и от замыслов своих отказываться не собирался.

– Варить? – переспросил он, лихорадочно соображая, как бы выманить соседа из комнаты. Хорошо ли, плохо ли это – варить живых лягушек, Додо, как и Патрик, раздумывать не стал. – А в чем ты их сварешь?

– В воде – в чем же еще? – фыркнул Патрик и поставил банку на стол.

– Давай вместе! – Чутье подсказало Додо, что рассерженный Патрик после того, как ему помешали, отправится

на кухню в гордом и злом одиночестве. Так оно и вышло.

– Шел бы ты... – Патрик неприлично выругался, сунул в карман спички и вышел, не оглядываясь. Времени у Додо было в обрез. Он рухнул на четвереньки, метнулся под кровать и трясущимися руками начал шарить в коробке, ломая картонную крышку. Пальцы нащупали гребень Динозавра... по лучемету поняли, что Галактический Робот тоже найден... вдруг Додо больно оцарапался: под руку подвернулось что-то острое. Разбираться было некогда, он присоединил опасный предмет к добыче, а секундой позже добрался и до Танка – схватил его, потя и содрогаясь от нервного напряжения. С зажатými в кулаки сокровищами он пополз обратно; распрямляясь чересчур поспешно, с силой ударился лбом о железную раму и едва не завыл. Не глядя бросил украденное за пазуху и встал. Морщась от боли, он сорвал с гвоздя куртку, быстро надел ее, задернул молнию: из коридора уже доносились шаги Патрика, который возвращался из кухни за лягушками. Додо пригладил растрепанные волосы и постарался придать своей физиономии невинное и равнодушное выражение.

– Пойду прошвырнусь, что ли, – обронил он вялым голосом, когда Патрик вошел. Тот не удостоил его ответа и показал спину – только этого Додо и ждал. Неспешной походочкой, руки в брюки, он вырулил в коридор. Патрик, поглощенный стряпней, взялся за пинцет, но планы его так и не осуществились. Он услышал, как снова скрипнула дверь и бод-

рый тенор произнес:

– Между прочим, давно ли ты проверял – на месте ли твое войско?

Патрик аж подпрыгнул от неожиданности. Вроде бы ему не сказали ничего необычного, но было, однако, ясно, что вот-вот произойдет нечто из ряда вон выходящее. На пороге изумленно улыбался пухлый дяденька, наряженный в костюм песочного цвета. Дяденька, сколько мог, вытянул короткую шею и развел руками, как бы спрашивая: «Что, прохлопал?»

– Вы к кому? – спросил Патрик упавшим голосом. Сам не зная почему, он испугался.

– С твоего позволения, я войду, – гость осуждающе взглянул на лицеиста. Тот не мог отделаться от мысли, что толстяк придуривается – уж больно пронзительным был взгляд ярко-голубых сверкающих глаз. Вся эта вежливость, хорошие манеры, подчеркнута добродушный, отеческий тон – вот-вот погрозит пальчиком. А за декорацией – нечто иное, мастерски спрятанное, и Патрик не рвался узнать, что это такое.

– Извините, – Патрик попятился и неопределенным жестом указал на стул.

– Весьма признателен, – прошептал толстяк, сел и добавил еще тише: – Так где твои рыцари?

Патрик недоуменно посмотрел в сторону кровати.

– Там, под нею, – ответил он озадаченно.

– Ты в этом не сомневаешься? – спросил потрясенный дя-

денька. – Ай-ай-ай! Ну-ка, проверь скорее!

Ничего не понимающий Патрик пополз под кровать и вытянул коробку. Он сразу обратил внимание на поврежденную крышку.

– Угу, – кивнул незнакомец энергично. – И я про то же. Неясности, связанные с визитом, отошли на второй план. Патрик окаменел, не в силах осмыслить утрату. Лицо его побледнело.

– Ты в чем-то испачкался, – толстяк суетливо порылся в кармане брюк и вынул носовой платок, расшитый черными розами. – Подойди ко мне. – Видя, что Патрик витает где-то далеко, гость встал и подошел сам. Небрежным движением он обмахнул ему щеки. – Другое дело! – просиял дяденька. – Иди к зеркалу и порадуйся.

– Где они? – еле слышно пробормотал Патрик.

– Иди к зеркалу! – Пришелец повысил голос. Патрик, не зная, что заставляет его повиноваться, вскочил как ужаленный. Он увидел обескровленное лицо, похожее на трагическую маску. В зрачках уже зарождалась ярость, пока еще не выбравшая, на кого излиться. И при этом – ни единого прыщика. Сначала Патрик не понял, какая такая странность появилась в его отражении, что за новшества показывает ему благожелательное стекло, но наконец до него дошло. И мысли в его голове снова изменили свой строй по степени важности. Что ему делать – обрадоваться или испугаться до потери сознания?

– Конечно, радоваться, – сказал незнакомец. – Если кого и стоило пугаться, так это тебя с твоим цветником на роже.

– Вы что – читаете мои мысли?

– Какое там! – Гость засмеялся. – Твои мысли написаны у тебя на лбу. Угадать их – штука нехитрая. Будь спокоен – это была всего лишь маленькая демонстрация возможностей. Но давай переходить к делу: как ты догадываешься, я пришел не ради пустой болтовни с тобой. И я также не имею никакого отношения к косметическим кабинетам с выездом специалистов на дом. Меня как такового вообще не существует. По велению обстоятельств я могу принимать разнообразные формы и брать любые имена. Но сам по себе я, как ни удивительно, пуст. Ты и представить не можешь, сколько всякой всячины можно понастроить вокруг пустоты.

– Вы, небось, из чародеев Юго-Запада, – предположил Патрик. Он всё же испугался. В Святопавловске не жаловали волшебников, и им приходилось скрываться в тайных лесных поселениях, что спасало их далеко не всегда. Время от времени правительственные карательные бригады выкуривали эту публику из лесных чащ, а после следовали показательные судебные процессы и скорая расправа.

Толстяк презрительно сморщился.

– Вот еще! Я к ним и близко не подойду. Никакой я не чародей; если на то пошло, то я из тех, с кем они упорно и, как правило, безуспешно пытаются связаться. Не так-то просто вызвать к себе меня или кого-то похожего – тогда уж, скорее,

чародеем окажешься ты: ведь я здесь.

Патрик мгновенно нарисовал в воображении картину: взвод полицейских ведет его, закованного в кандалы, на судилище. Ему смертельно захотелось куда-нибудь убежать. Гость обидно захохотал:

– Не трусь, я просто дразню тебя. Я же явился сам, и ты не звал меня. Случай, конечно, редкий, но мое дело слишком важное, чтобы я сидел сложа руки. Итак, мой друг, не будем медлить. Я должен забрать у тебя одну вещь, угодившую в твои руки случайно, по ошибке. Это случилось давным-давно, когда ты был еще совсем мал и глуп. Но там, откуда я пришел и где потеряли эту вещь, время течет по-другому. Ты успел вырасти и возмужать, а в тех краях пролетели, – толстяк пощелкал пальцами, прикинул, – считанные минуты.

– Никакой чужой вещи у меня нет, – заявил Патрик с тревогой. Ему стало ясно, что дядька в желтом костюме хочет обманом и хитростью что-то у него отнять.

– Ты заблуждаешься, – улыбнулся тот понимающей улыбкой. – Я могу подсказать: такой черный, острый осколочек, похожий на стеклянный. Вспоминаешь?

Патрик облегченно вздохнул. Черного осколка у него точно не было, а это значит, что гость ничего не возьмет.

– Честное слово, я не видел ничего подобного, – сказал он радостно. – Был разноцветный, – он снова насупился, – но его утащили вместе с остальным. Ох и навешаю я Додо-

шке по шее! Потому что это он взял, больше никому. Что с вами? – воскликнул он изумленно.

Приветливое, умное лицо толстяка почернело. В глазах растворились зрачки, и из-под век полился ледяной ослепительный свет. Одежда обвисла мешком, щеки втянулись, рот угрожающе приоткрылся.

– Разноцветный?! – недоверчиво прошипел гость. – Как – разноцветный? Он должен быть черным!

– Клянусь! – закричал Патрик, не зная, как уладить дело. – Маленький такой, красивый! Я нашел его на пляже, когда еще жил в поселке у моря!

– Нашел? – Страшная фигура, казалось, вот-вот прыгнет на него. – Ты не мог найти разноцветный осколок, это невозможно. Откуда он у тебя?

Забытая сцена вспомнилась сразу, как будто была разыграна только вчера. Кому-то другому Патрик, возможно, постеснялся бы признаться, что отобрал осколок у своей маленькой соседки. Но его нынешний собеседник – Патрик чувствовал, что это так, – не станет его осуждать. Сбиваясь, путаясь, Патрик выложил всё. Он спешил задобрить опасного субъекта, пока тот не сделал ему что-нибудь нехорошее. И посетитель понемногу успокоился – правда, вид у него остался крайне озабоченный и недовольный. Когда рассказ Патрика подошел к концу, гость прошелся по комнате, заложив руки за спину и шевеля толстыми губами, после чего вдруг резко остановился и улыбнулся как ни в чем не бывало.

– Дело усложняется, – объявил он. – Видишь ли, мне необходимо забрать у тебя черный осколок и выдать взамен награду. Но теперь всё изменилось. Мне понадобится более серьезная помощь с твоей стороны, и вознаграждение, разумеется, тоже будет куда солиднее, – он взглянул на Патрика, который затаил дыхание, забыв о страхе при слове «награда». – Да, куда солиднее. И нам с тобой придется быть вместе гораздо дольше, чем я предполагал.

Толстяк со вздохом уселся на кровать. Он замолчал, решая, что можно сказать Патрику, а о чем лучше не говорить. Патрик же, очень вежливый и любезный, когда речь шла о выгоде, спросил:

– А... простите, но я не знаю, как вас зовут... не могли бы вы сказать поточнее, какая награда ждет меня?

Гость усмехнулся:

– Мне нравится, что тебе интереснее знать, какая награда, а не за что она, – похвалил он лицеиста. – Это обнадеживает. Да, я уверен в успехе. Зовут же меня... – Он задумался. – Как много у меня имен! Впрочем, мне нравится это: Аластор Лют. Только не спрашивай, что оно означает – слишком долго объяснять, да это и не важно. Что касается твоей награды... ты ведь, сдаётся мне, чертовски недоволен жизнью здесь, в этом мерзком общежитии с вороватыми соседями и занудными учителями? Если ты поможешь мне найти пропавший черный осколок, тебе достанется в вечное владение весь этот город, – Аластор Лют простер руку, указывая

на окно. – Со всеми гимназиями, лицеями, заводами, цирками и тюрьмами. И ты сможешь устанавливать здесь любые порядки, какие только пожелаешь.

– Я не верю, – замотал головой Патрик.

– А я не верю, что ты не веришь, – озорно хихикнул его собеседник. – Ты видел достаточно, чтобы поверить. – Про себя Аластор подумал, что паренек угадал верно. Посулить Патрику Святопавловск – это было первое, что пришло в его коварную голову. Никто, понятно, никакого города Патрику не отдаст. Но это выяснится только в конце, когда задачи будут решены и цели достигнуты. – Но – чисто формально – я обязан задать тебе вопрос, – Аластор нахмурил брови. – Согласен ли ты? Ведь если ты откажешься, то ничего не получишь точно.

Все слова куда-то разбежались, и Патрик мог лишь кивнуть, не сводя с Люта глаз.

– Ты поступаешь мудро, – заявил тот важно и торжественно. – Возможно, ты завладеешь даже большим, чем город, – Аластор, когда врал, частенько увлекался и останавливался лишь когда ему удавалось нагромоздить такие горы лжи, что никто уже не верил ничему и никакое волшебство не могло исправить положение. Так что он, безусловно, испортил бы всё дело, толком не начав, но тут взгляд его упал на банку с лягушками. Брови Аластора взметнулись.

– Это что у тебя такое в банке? – спросил он вкрадчиво и облизнулся.

– лягушки, – ответил Патрик. – Я хотел поставить опыт и сварить их. Говорят, что после получасовой варки вываривается скелет.

– Я здорово проголодался, – сказал Аластор жалобно. – Ты позволишь мне съесть их сырыми? – И, не дожидаясь разрешения, он схватил банку и вывалил содержимое в рот, который распахнулся невероятно широко наподобие небольшого чемодана. – Ах, какой блеск! – восхитился Лют и погладил себя по животу. Он икнул, и из его глотки донеслось прощальное безутешное кваканье. Патрик, старательно скрывая не самые, скажем честно, приятные чувства, криво ухмыльнулся и спросил:

– И вам, такому здоровому, хватит пары лягушек, чтобы поесть?

– Да нет, – махнул рукой сыроед. – Мне вообще не обязательно что-то есть. Просто я веселюсь и развлекаюсь на свой лад.

Патрик понял, что здесь положено смеяться, и снова хохотнул – угодливо и робко. Аластор, довольный, посмотрел на него:

– Буду крайне удивлен, если мы не поладим. Но нас ждут дела. Где найти этого мерзкого похитителя чужих драгоценностей, этого черного вора, не знающего никаких границ?

– Он наверняка в игротеке, – ответил Патрик. Было ясно, что именно Аластор, а не он, поведет воспитательную беседу с вероломным Додо, и от близкого возмездия у него внутри

что-то сладко и тепло напряглось.

Лют задумчиво прикрыл глаза ладонью.

– Много ли там народу? – спросил он после недолгих размышлений.

– Я думаю, он там один, – предположил Патрик. – Сейчас идет урок, поэтому.

– Понятно, – перебил его Лют. – Что ж, самое время туда наведаться и восстановить справедливость. Остался вопрос формы. Он ведь очень юн, твой Додо, не так ли?

Патрик замаялся. Они с Додо были ровесники, и как ему ответить, чтоб не унизиться самому? Аластор пришел на помощь:

– Я хотел сказать – юн душою, ведь он тратит бесценное время на праздные, пустые игры, тогда как его сверстники ставят естественнонаучные опыты.

Патрик облегченно подхватил:

– Да, да, в этом смысле он еще совсем маленький!

– Маленький... – Аластор побарабанил пальцами по животу. – Как по-твоему, кто из неожиданных гостей способен напугать маленького? Повлиять на него? Мне кажется, я знаю ответ. Известно ли тебе, кто такой Мальчик Чернил?

Патрик пожал плечами. Это имя – Мальчик Чернил – ни о чем ему не говорило. Однако Аластор думал иначе.

– Ты должен знать, – заметил он строго. – Мальчик Чернил приходит к тем, кто мал и глуп, кто боится темноты и долго не может заснуть. К тебе он тоже приходил, и не од-

нажды, ты просто запамятовал. Напрягись, вспомни... – Аластор Лют подался вперед и заглянул Патрику в глаза. – Смотри сюда и вспоминай. Ведь это было совсем недавно. Смотри и не отворачивайся, глубже и глубже, дальше и дальше...

И, чем пристальнее всматривался Патрик в завораживающие черные шахты лютовских зрачков, тем больше становился собою прежним, давнишним. Наконец, воспоминание пришло – точнее, выпрыгнуло, словно хитрый опасный зверь, из обманчивого небытия. Оно не имело ничего общего ни с Мальчиком Чернилом, ни вообще с каким бы то ни было мальчиком, но Патрик точно знал, что именно Мальчик Чернил исправно посещал его в давно забытые ночные часы. Тогда он видел жуткую, бесшумную черную ящерицу на задних лапах. Чуть подрагивали уши-блины с яркой светящейся каемкой голубого цвета; туловище, почти сливавшееся с царившим в комнате мраком, сверкало вживленными бриллиантами, страшная алая пасть издевательски раскрывалась и закрывалась. Чудовище стояло на задних лапах, кривых и чешуйчатых, а твердый хвост неторопливо гулял из стороны в сторону. Эта тварь всегда приходила на секунду-другую, не больше, но нагоняла такого страха, что хватало на всю ночь, и сны потом снились ужасные, а на следующий день всё шло вкривь и вкось.

– Я помню... – пробормотал смятенный Патрик. – Я вижу его.

– Я знаю, – серьезно прошептал Аластор. – Мальчик Чернил бывает разный, он не любит являться в одном и том же обличье разным детям. У меня нет желания тебя запугивать, и наш Мальчик Чернил получится совсем другой. Он будет таким, каким его видел Додо.

И Лют, ударившись об пол, обернулся мальчиком лет четырнадцати на вид, с черной кожей, коротко стриженными черными волосами и в строгом черном костюме. Патрик не сдержался и вскрикнул. Людей с черной кожей он не встречал никогда. Мальчик Чернил улыбнулся и показал гнилые, тоже почти черные зубы.

– Где твоя игротека? – спросил он тихим голосом. – Отведи меня туда поскорее. – И выставил локоть, словно Патрик был дамой и они направлялись в танцевальный зал. Томно закатив глаза и высоко поднимая колени, он повел лицеиста к двери. Мальчик Чернил явно кого-то передразнивал – не то петуха, не то участника некой напыщенной церемонии.

Рука об руку они спустились по безлюдной лестнице и вошли в полутемную игротеку. Там действительно было пусто, лишь в дальнем углу стоял спиной к вошедшим проворовавшийся Додо. В настольном сражении назревал перелом, и Додо ничего не слышал и не видел. Мальчик Чернил бросил быстрый взгляд направо и налево, оценивая пирамиды с кольцами, бильярдные и шахматные столы, игровые автоматы, миниатюрную карусель и кривые зеркала. Он поднес к губам палец и на цыпочках двинулся к одинокому игроку.

Додо взял Галактического Робота, дабы с его помощью поразить вражескую конницу, и ласковый вопрос прошелестел над ухом:

– Что у тебя за игра?

Додо подскочил, обернулся. Мальчик Чернил стоял перед ним, вытянув губы трубочкой. Вдалеке виднелся Патрик, сжимавший и разжимавший мокрые кулаки.

– Дай сюда, – сказал Мальчик Чернил, протянул руку и снял с игрового поля Робота, Танк и Динозавра. Опустив их в карман, он снова выставил ладонь и еле слышно приказал:

– Черепок.

Додо попятился, уперся задом в стол и стал заваливаться на спину.

– Черепок.

Пальцы Додо беспорядочно запрыгали по карманам и складкам одежды. Предмет очень скоро нашелся, и Додо, по-прежнему молча, вручил Чернилу разноцветный осколок. Мальчик Чернил подозвал Патрика, вложил ему осколок в нагрудный карман рубашки и снова уставился на преступника. Лицо Додо посерело.

– Ты ведь игрок? – полуутвердительно спросил наконец Мальчик Чернил. Додо молчал. Теперь он рассматривал собственное пузо, мелко вздрагивавшее под футболкой. – Играть в одиночестве – проступок еще более серьезный, чем кража, – изрек Чернил назидательно. – Не хочешь ли сыграть

со мной в бильярд?

– Я не умею, – вымолвил Додо пересохшими губами.

– Ну, что тут уметь! – вскинул брови Мальчик Чернил. – Пойдем, я тебя научу. Я давно собирался это сделать – помнишь, тогда еще, когда ты сразу писал в штаны, стоило мне появиться в углу твоей спальни.

Двумя пальцами он взял Додо за рукав и потянул за собой. Доставив его к бильярдному столу, остановился и театрально воскликнул:

– О, бильярд! О, свечи! О, шампанское рекой!

И стол, пока он кричал, украшался канделябрами из потемневшего серебра и бокалами на тонких ножках с пенистой жидкостью внутри. Мальчик Чернил ловко сложил шары в треугольник, а один оставшийся поставил в некотором отдалении от вершины.

– Что-то не так, – пробормотал он, отходя на шаг. – Всё слишком изящно, чересчур изысканно... Я буду не я, но чего-то недостает.

Он прикинул так и этак, затем шагнул обратно к столу и сильным рывком выдрал из лузы сеточку. После чего схватил Додо за волосы, повалил на колени и одним мощным ударом вогнал его шею в лузу так, что голова того оказалась лежащей подбородком на зеленом сукне и безумными глазами созерцала одинокий шар. Мальчик Чернил легко, играючи развел Додо челюсти, и рот зазиял, словно на приеме у зубного врача. Мальчик Чернил взялся за кий.

– Ничего сложного, – напомнил он, прицелился и послал шар в горло. Додо захрипел и задержался, глаза его выпучились, как у лягушки, мучениями которой он совсем недавно хотел позабавиться. Чернил разбил треугольник легким тычком и направил в разинутый рот следующий шар. Додо, давась, сделал глотательное движение, брызнули слезы. Мальчик Чернил довольно улыбнулся и, чтобы кий лучше скользил, выбелил мелом черную выемку между большим и указательным пальцами.

– Хватит! – раздался голос из-за спины. – Господин Лют, вы его убьете!

Мальчик Чернил развернулся на пятках и пристально взглянул на трясущегося Патрика. В наступившей тишине было слышно, как зубы у того выбивают мелкую дробь.

– Само собой разумеется, – кивнул черный бильярдист, очень четко выговаривая слова. Он обогнул стол, завел ногу и с невероятной силой ударил Додо по пухлой спине. Тот мгновенно перестал хрипеть, неестественно выгнулся куда-то под стол. Шея его выскочила из лузы, а последний шар с мягким стуком выпал из помертвевших губ на сукно. Звякнул, разбиваясь, бокал. Додо медленно сполз на пол и застыл без движения.

Мальчик Чернил поклонился, сделал сальто, и Аластор Лют подмигнул Патрику, который тоже был неподвижен, хотя продолжал пока стоять. Покопавшись в кармане, Аластор задержал в нем руку и заметил:

– Это мелочь, мой юный друг. Прежде чем начать большое дело, надо научиться плевать на мелочи. С тем что ты, быть может, в скором будущем увидишь, эта дурацкая клоунада не идет ни в какое сравнение. А теперь – держи!

Он протягивал Патрику похищенные фигурки – Робота, Динозавра и Танк. Патрик колебался. По лицу его струились слезы, и он не утирал их. Аластор Лют терпеливо ждал. Патрик еще несколько раз шмыгнул носом и осторожно взял у него игрушки. Лют зааплодировал:

– Молодчина! Дальше – больше: сейчас ты прихватишь кое-что еще. Для этого мне придется пережить очередное маленькое превращение. Не слишком обременительный предмет, которым я стану, ты должен спрятать у себя под мышкой и крепко прижать плечом. Смотри, не вырони, а то я могу разбиться, и тогда наступит конец света. Ты же, располагая таким образом моей персоной, обретишь возможность очень быстро перемещаться в самые разные места, да и вообще сделаешься намного сильнее. Тебе понятно?

Патрик энергично закивал. Аластор Лют умиротворенно прикрыл глаза, обхватил сам себя за бока, присел на корточки и пустился вприсядку. Постепенно его нелепая пляска в пустынной, безмолвной игротке делалась всё стремительней; в какой-то миг он принялся вертеться волчком и ужиматься до карликовых размеров, пока не преобразился в заурядное куриное яйцо. Оно, прокатившись по инерции еще чуть-чуть, застыло. Патрик, осторожно ступая, подкрался

к яйцу, поднял его с пола и, зачем-то оглянувшись по сторонам, сунул под мышку, где сразу начало разливаться тепло.

Глава 3.

Бал

Сандра стояла перед зеркалом и про себя без усталости твердила, что стала взрослой. Зеркало было намного больше нее, от пола до самого потолка, и оттого Сандра поневоле казалась маленькой – тем более что кроме нее самой там отражался огромный зал, в убранстве которого были перетасованы все мыслимые и немыслимые стили. Загадочно перемигивались светильники-модерн, кротко опускали слепые глаза античные статуи, утомляла взор затейливая барочная лепка, полотна импрессионистов выглядели пятнами дымчатого света, что затерялись в море сюрреализма. Сандра прокрадлась сюда потихоньку, никем не замеченная. До начала бала оставалось всего полчаса, но ей не терпелось сравнить зал настоящий с залом, приснившимся сегодняшней ночью. Это был удивительный сон, не похожий на другие. Сандра увидела в нем себя, одетую в бальное платье – почти такое же, какое было на ней сейчас, но все-таки какое-то странное, каких никто нигде не носит. И люди, окружавшие ее, тоже нарядились необычно. Во сне Сандра считала, что участвует в каких-то событиях далекого прошлого, но фокус был в том, что и в прошлом никто не надевал расшитых золотом мундиров, смешных длиннополых пиджаков и огромных юбок,

смахивающих на кремовые торты. Ей пригрезился незнакомый мир, где на первый же танец под красивым названием вальс ее пригласил статный ослепительный господин, к которому все обращались: князь. А когда Сандра проснулась, сон не исчез, как принято у снов, но помнился до мельчайших деталей и вызвал необъяснимую уверенность, что волшебные, невозможные события развернутся именно сегодня, на первом Сандрином балу. Вот Сандра и пришла пораньше убедиться, что внутренний голос ей не солгал и зал окажется в точности таким, как тот, из сновидения. Зал оказался совершенно не таким, однако предчувствие волшебства ничуть оттого не угасло.

Строго говоря, ей предстоял не совсем настоящий – то есть взрослый – бал: ведь Сандре только-только исполнилось двенадцать лет. Но она не слишком огорчалась, так как до сих пор не видела вообще никаких балов, ни взрослых, ни детских. Бал для воспитанниц Народного Лицея давался впервые. Прежними городскими властями подобные затеи не поощрялись, но недавно в администрации Свято-павловска появились новые люди, не успевшие забыть, что тоже когда-то были детьми и тоже мечтали вырасти. Поговаривали, что самые отчаянные реформаторы собирались со временем учредить смешанные гимназии и лицеи, где мальчики и девочки могли бы учиться вместе, а балом завершалась бы каждая неделя. Но эти замыслы казались настолько дерзкими, что Сандра не сомневалась – она успеет сто раз окончить

Лицей, прежде чем они воплотятся в жизнь.

Скромные, бесцветные будни женского Народного Лицея нравились Сандре не больше, чем Патрику. Но, в отличие от него, Сандра не думала, что жизнь обходится с ней несправедливо. Она уже понимала, что, будучи родом из захолустного поселка, не может рассчитывать на большее сразу, ни с того ни с сего. И, не имея привычки винить окружающих в своих неприятностях, она со спокойной уверенностью ждала свой звездный час, счастливую возможность: если Сандра на что-то годится, то не упустит ее, а если выйдет так, что она проворонит собственное счастье, – туда ей и дорога. У Сандры были все основания надеяться, что удача рано или поздно ей улыбнется – лучше всего, если улыбкой прекрасного принца (как ни была умна Сандра, она пребывала в заблуждении, будто уродливых и глупых принцев не бывает). Ее огромные черные глаза всегда глядели с притворной наивной скромностью, но все в Лицее знали, что не случалось проказы, к которой бы не приложилась Сандрина рука. Гордостью Сандры были белые снежные волосы, их редкое сочетание с черным цветом глаз могло либо понравиться, либо нет, но равнодушным не оставался никто. Те же волосы стали и причиной горьких сожалений: Сандра, носившая дома косу, после зачисления в Лицей подчинилась общему для казенных заведений правилу, и теперь ее стрижка была короткой, как у мальчишки. Сандра сомневалась, что сможет с такой головой очаровать принца. Только

поэтому – если не брать в расчет непонятого сна – она волновалась: принц обязательно, непременно объявится на первом же балу. Каков он будет собой? Очень возможно, что, не желая быть узанным в обществе барышень из низких условий, он прибудет в маске и черном плаще. Сандра с досадой хмыкнула: ну и чушь, ведь это пугало узнают сразу, стоит ему войти в дверь. Нет, единственным правильным решением для принца будет слиться с гостями, затеряться в толпе воспитанников мужского Лицея, приглашенных на вечер. Тут Сандра похолодела: а вдруг никто не придет? Из-за того страшного случая, о котором гуляет столько слухов? Толком ничего не знали: кого-то из лицеистов на днях убили в игротке – ударили в спину так, что переломился позвоночник, а рот набили бильярдными шарами. Неужели объявят траур и отменят бал? Сандре, увидевшая случившееся своими глазами, было бы не до танцев. Но убийство казалось ей вещью нереальной; рассуждая о нем, она не ощущала истинного вкуса этого слова и потому, конечно, беспоконилась только насчет бала – состоится он или нет. Она не была бесчувственной и черствой охотницей за счастьем, просто-напросто некоторые чувства оставались ей до поры до времени неведомы.

Сандра взглянула на дешевые наручные часики и с ужасом поняла, что до начала праздника осталось пять минут. Хороша она будет, если ее застанут здесь одну, любующейся своим отражением! С пылающими щеками Сандра бро-

силась прочь. Она покинула бальный зал как вошла: через служебный вход, и на черной лестнице чуть не столкнулась со странным типом, который поднимался по ступеням. В первую секунду Сандра оторопела – человек был настолько похож на переодетого принца ее фантазий, что у нее ослабли ноги. Незнакомец прятал лицо под черной полумаской и кутался в черный плащ до пят. Но мигом позже Сандра заметила шарманку, висевшую у него на правом плече; на левом же сидела рыжая плешивая обезьяна, которая с важным видом сосала палец. Голова обезьяны была повязана яркой алой лентой, а в ухе блестела позолоченная серьга. «Его, наверно, пригласили играть в антрактах, когда оркестр будет отдыхать», – догадалась Сандра. Она спешила и, теряя к незнакомцу интерес, бочком проскользнула вниз по лестнице. При этом она кокетливо потупила глаза и потому не видела, как в зрачках обезьяны вспыхнули красные искры, а шарманщик замешкался, словно не знал, удержать ему Сандру или нет. Пока он думал, Сандра оказалась уже далеко внизу и вскоре влетела в примерочную, где стоял шум и гам. Пахло пудрой, туалетной водой; Сандрины подруги и приятельницы толкались возле зеркала, щипали и кусали друг дружку, пытаясь пробиться поближе. Сандра загадочно улыбнулась: она-то уже вдоволь навертелась и нагляделась. Но тут же вздрогнула: вдруг, пока она неслась по лестнице, что-то отцепилось или растянулось? И Сандра, быстро отбросив насмешливое высокомерие, врезалась в столпотворе-

ние белых, розовых и голубых нарядов. Она бешено работала локтями и коленями, пока не протиснулась в первый ряд и не увидела, что да, она не зря всполошилась – всё платье пришло в беспорядок. О том, что причиной хаоса была она сама и ничего бы не случилось, не лезь она к зеркалу, Сандра как-то не подумала.

Ругая себя последними словами, она стала прихорашиваться, поворачиваясь то так, то этак. Остались сущие пустяки – подтянуть гольфы и перезавязать пышный бант на поясе, – когда по зданию растелся низкий гул: ударил гонг, возвещающая начало торжеств. Звук получился донельзя значительный, полный скрытого смысла и неопределенных заманчивых обещаний. Оживление, царившее в примерочной, утихло. Одновременно барышни оробели: ни одна не находила в себе смелости распахнуть дверь, ведущую на парадную лестницу, и увлечь за собой остальных. И Сандра несколько не удивилась, когда поняла, что уже делает это сама – ей почудилось, будто не так уж «сама» она отважно шагает за порог, что кто-то посторонний обосновался у нее внутри и захватил власть над руками, ногами, лицом; кто-то очень опытный и искушенный в разного рода светских увеселениях подсказывает ей, кому какую подарить улыбку, где сделать реверанс, а где проплыть мимо с гордо поднятой головой.

Она первой вступила в зал, из которого только что бежала в страхе быть обнаруженной, – сейчас он был залит светом и, не такой уж, между нами говоря, большой, раз-

растался, переполненный зеркалами, до размеров целой вселенной. Зеркала поддерживали иллюзию, будто яблоку негде упасть – столько съехалось народу. На самом деле людей было не очень много: два класса девочек, два класса мальчиков и гости – воспитатели, магистры, попечители и немногочисленные родственники лицеистов – тех, что были родом из города. На мгновение Сандре взгрустнулось: вот бы видели ее мама с папой. «Ничего, – утешилась она, разглядев среди гостей фотографа, – я пошлю им портрет». Ее быстрый взгляд налетел на шарманщика – тот стоял в отдалении, близ окна, и было нелегко разобрать, на кого он смотрит: мешала маска. Его обезьяна, во всяком случае, точно ни на кого не смотрела, она отвернулась и, сидя на плече, уставилась в окно, за которым багровело уходящее солнце.

Скрипачи вскинули смычки, трубачи и флейтисты закусили мундштуки. Низенький лысый дирижер с достоинством раскланялся, повернулся спиной и взмахнул палочкой. Концерт номер пять для семи скрипок с барабаном вырвался на волю, и звуковая волна едва не выбила стекла. Дирижеру стоило больших усилий удерживать власть над музыкой. Но танцы не состоялись: оглушенные, растерянные лицеисты застенчиво вжимались в стены, не решаясь начать. На лицах взрослых появились снисходительные улыбки. Сандру бросило в жар: ну как же так? Если бы правила позволяли, она и здесь бы не оплошала – взяла и пригласила первого попавшегося, но всему есть предел. Скоро музыка смолкнет, по-

виснет неловкое молчание, выйдет кто-то из воспитателей и начнет распоряжаться: разобьет всех на пары, ударит в ладоши... При одной только мысли о таком повороте событий у Сандры стало муторно на душе. Конечно, бал немедленно превратится в детсадовский утренник. «Что за кавалеры? – подумала она со злостью. – Какие-то рыбы, честное слово! Неужели никто...» И здесь она застыла: через весь зал к ней направлялся невысокий, но очень симпатичный паренек с бледным лицом, белыми, как у нее, редкими волосами и в белых шелковых перчатках. Сандра закрыла и снова открыла глаза: нет, так не бывает – в точности, как этот мальчишка, шел к ней во сне безупречный князь, и еще до того, как он приблизился и сдержанно отвесил поклон, было ясно, что встреча с ним нарушит течение прежней жизни и начнется нечто новое – быть может, плохое и опасное, но намного более интересное. Оркестр, собравшийся было передохнуть, при виде первого смельчака вернулся к началу мелодии. Паренек дошел до Сандры и остановился. Секунду-другую он стоял неподвижно, глядя ей прямо в глаза, и Сандра почувствовала неприятный холодок. В молодом человеке что-то было неладно. Его движения, взгляд, выражение лица – всё казалось слишком отточенным, механически безукоризненным. «Люди из мяса и костей держат себя иначе», – неожиданно пришло в голову Сандре. Но лицеист уже склонился перед ней, и Сандра чуть присела в быстром ответном реверансе. Мгновением позже они уже кру-

жились в безудержном тальстате (Сандра вдруг сообразила, что именно тальстат именовался в ее сновидении вальсом). Танцующие вихрем вылетели в центр зала, и лед был сломан: к ним присоединилась еще одна пара, третья, четвертая.. Педагоги с видимым облегчением развернулись друг к другу, довольные, что всё теперь пойдет как надо и им ничто не мешает пуститься в бесконечные и нудные взрослые разговоры. Сверкнула вспышка: фотограф, упав на колени, вел отстрел, не жалея кадров. Шарманщик, казалось, слился со шторой; он не шевелился, как не двигалась и его косматая спутница. Сандра, державшаяся в объятиях лицеиста очень прямо и напряженно, смотрела ему через плечо и машинально подмечала каждую мелочь. Не укрылось от нее и круглое лицо с пронзительными ярко-голубыми глазами: невысокий полный господин стоял в первых рядах и восторженно следил за танцующими. «Что за фрукт?» – подумала Сандра безучастно и в следующий миг созерцала уже кого-то другого, в жабо и сиреневых панталонах в обтяжку. Тем не менее пухлый голубоглазый субъект ей запомнился. Она была крайне удивлена, когда обнаружила, что все – и она в том числе – уже стоят, а музыка больше не играет: танец окончился. Ей казалось, что она успела сделать всего-навсего один круг.

– Двадцать один, – послышался вежливый голос. Сандра непонимающе посмотрела на лицеиста.

– Вы думали вслух, – паренек улыбнулся уголками губ. – Но мы описали ровно двадцать один круг.

– Значит, у меня закружилась голова и я забылась – немудрено, раз их было двадцать один, – вышла из положения смущенная Сандра.

Паренек снова улыбнулся, на сей раз как-то хитро, и ничего не сказал. Сандра смешалась: «Почему он так на меня смотрит? Словно знает какой-то секрет и решает, подразнить меня или рассказать».

– Вы, конечно, меня не узнали, – вновь заговорил ее кавалер. Улыбка исчезла с его лица, теперь оно выглядело застывшим, что совсем не вязалось с очевидным беспокойством в глазах. Сандра удивленно вскинула брови и помотала головой. Паренек с неуместным шутовством выставил локоть – скрывая, как подумала Сандра, смущение под развязностью – и, рука об руку, они подошли к бархатной банкетке. «Он как замороженный, – подумала Сандра. – Что это была за история про брата и сестру? Мальчику попал в глаз кусочек стекла, и он сразу изменился – стал грубым, злым, а после отправился жить к Снежной Королеве. Но я не нянька – пусть выкарабкается сам, а там посмотрим».

– А я вас сразу узнал, – сообщил лицеист, присаживаясь. – Вас зовут Сандра, не так ли?

– Верно, – Сандра вновь удивилась. – Но я вас не знаю. Паренек через силу скривился в очередной улыбке.

– Я – Патрик, – напомнил он тихо. – Когда мы были маленькими, то жили в одном поселке.

От неожиданности Сандра всплеснула руками. Она и сама

не знала, чего было больше – радости или разочарования.

– Не может быть! – воскликнула она. – Вы так изменились! Впрочем, мы никогда не были хорошо знакомы.

– Это точно, – согласился Патрик. – Как-то так вышло, что мы не успели подружиться. Один только раз. вы вспоминаете? Пляж, полдень... вы играли в какие-то черепки... Это может показаться странным, но один из них я до сих пор храню как память. А вы?

Сандра наморщила лоб.

– Помню, – кивнула она, подумав. – Но мы вовсе не играли. По-моему, вы отобрали у меня самый красивый черепок и пошли с ним домой.

– Неужели? – Патрик широко раскрыл глаза. – Мне казалось, всё было иначе... Но он всё равно у меня, – лицеист пожал плечами и рассмеялся. – Наверно, мне нужно попросить прощения. Я был дурак и задира.

– Я нисколько не сержусь, – Сандра улыбнулась ему в ответ. – И открою вам тайну: это странно, но у меня тоже до сих пор хранится черепок. Он черный-пречерный, иногда мне почему-то бывает боязно взять его в руки... что с вами? – Она вскочила с места.

Лицо Патрика опять окаменело. Он медленно стянул перчатки и впился ногтями в красный бархат, лоб покрылся испариной. Вокруг снова звучала музыка, но Сандре мерещилось, будто она слышит только скрежет его зубов.

– Патрик! – Она испугалась. – Вам плохо? – Сандра знала,

что есть болезнь, от которой человек перестает видеть и слышать, а после падает на пол и бьется в судорогах. Из рта у таких бежит пена, и им, чтобы не откусили язык, разжимают ножами намертво стиснутые челюсти. Но Патрик внезапно обмяк, вытер ладонью лоб и повернулся к Сандре.

– Ерунда, головная боль, – объяснил он слабым голосом. – Очень редко, но такое со мной бывает. И всегда некстати. О чем мы с вами говорили?

– О черепках, – прошептала испуганная Сандра. – О черном черепке, который остался у меня.

– Ах да! – Патрик с силой ударил себя по голове, будто она и не болела минуту назад. – О черепках! Конечно, о черепках... конечно, о них... – забормотал он, снова готовясь впасть в протрацию. Но сумел себя перебороть и, резко подавшись вперед, спросил: – Ведь вы покажете мне его? вы позволите мне на него взглянуть?

– Пожалуйста, коли вам так хочется, – Сандре не нравился этот разговор. В интонациях Патрика слышалось что-то неискреннее, жадное, он явно что-то не договаривал. Патрик же утратил чувство меры. Услышав, что Сандра не возражает, он пришел в сильное возбуждение, не сдержался и выпалил:

– Прямо сейчас? – Голос его охрип, лицо исказилось от нетерпения.

Сандра слегка отстранилась и холодно взглянула на «друга детства».

– Мне кажется, это не очень-то учтиво с вашей стороны, – отозвалась она. Мы как-никак на балу. Что же мне – сорваться с места, бросить всех и бежать домой за черепком?

Сандра вдруг сообразила, что черный осколок был единственной причиной появления Патрика на празднике. Она залилась краской и встала. Но Патрик уже опомнился.

– Пойдите! – Он схватил Сандру за руку. – Не обращайтесь внимания. Не знаю, что на меня нашло. Здесь дьявольски жарко... позвольте, я угощу вас лимонадом.

Сандра уже разобралась, каких в ней больше чувств, и никакой лимонад помочь не мог. Но от Патрика было не так-то просто отделаться. Он вертелся вокруг нее, тянул за рукав и готов был упасть на колени. Увидев это, Сандра сдалась, несмотря на то, что раскаяние Патрика казалось наигранным. Она позволила отвести себя к лотку с напитками и конфетами, который разместили в углу и спрятали под дурацким расписным зонтом – для красоты, хотя многие находили это нелепым, справедливо считая, что такие зонтики уместны где-нибудь на улице, рядом с кафе, но никак не в танцевальном зале.

Патрик швырнул на блюдечко мелочь, и Сандру покорибил этот жест. Продавец неприязненно смерил клиента взглядом и, ни слова не говоря, наполнил два фужера. Патрик театрально взмахнул руками, взял лимонад и несколько раз провернулся на пятках – вероятно, он хотел позабавить Сандру, изображая повышенное внимание и совершен-

ный восторг, одновременно сам же над собой и потешаясь. Он добился обратного: Сандру глубоко возмутила эта карикатура на галантность. Она молча приняла фужер и, не сводя с Патрика гневного взора, поднесла к губам.

Именно в эту минуту нарушился обычный ход вещей. К Сандре метнулась молния – рыжая обезьяна, яростно оскалив клыки, взлетела на лоток, сметая вазочки, кувшины и подносы с пирожными. Она описала мохнатой рукой полукруг и с силой ударила по фужеру, выбивая его из Сандриных пальцев. Брызги полетели Патрику в лицо, и тот отшатнулся, отчаянно утираясь рукавом. Глаза его остекленели от ужаса. Капли еще не успели доползти до губ, а он уже плевался, напрочь позабыв о приличиях. Сандра застыла с чуть отведенной рукой. Фужер падал меньше секунды, но ей показалось, что он приближается к паркету медленно, плавно, как будто плавал в невесомости. Едва он коснулся пола и так же медленно, с ленцой полетели во все стороны осколки, Сандра почувствовала, как кто-то схватил ее за талию мертвой хваткой и поднимает в воздух. Она не успела опомниться, как очутилась уже на пороге и изумленно смотрела в пол: шарманщик держал ее под мышкой, лицом вниз. На бегу он обернулся и свистнул, подзывая обезьяну. Та неслась к нему огромными прыжками через весь зал. Сандра увидела еще кое-что: Патрик стоит с опущенными руками и оторопелым, непонимающим выражением на лице, а обезьяну пытается догнать голубоглазый тип, с которого вдруг

разом слетела всякая восторженность. Теперь его улыбка выражала сожаление по поводу того, что ему волей-неволей придется сделать с беглецами. Толстяк сунул руку за пазуху, но в этот миг шарманщик как раз добежал до лестницы. Обезьяна притормозила, развернулась мордой к преследователю, состроила гримасу и хлопнула в ладоши. Правая нога толстяка поехала каблуком по натертому паркету, а вытянутая левая взметнулась вверх. Толстяк, так и не вынув руки из-за пазухи, шмякнулся на пол и изумленно поехал, заваливаясь на спину. Сандра этого не видела. Шарманщик распахнул дверцу автомобиля и бросил пленницу на заднее сиденье – очень, впрочем, аккуратно, чтобы она не ушиблась. Обезьяна впрыгнула в открытое окно и села за руль. Шарманщик захлопнул заднюю дверцу, трусцой, пригибаясь, подбежал к передней и устроился рядом. Из здания доносились крики и топот ног, но машина уже набирала скорость, унося пассажиров к юго-западной окраине города, а теплый ветер, задувавший в окна, стыл на лету.

Глава 4.

Хищное воинство

Аластор Лют ударил Патрика по лицу.

– Недоумок, – процедил он презрительно. – Какие там, к черту, танцы? Ты годишься только в куклы играть.

Они стояли друг против друга в роскошном номере отеля «Полночный Демон». Горели бра, бестолково тарахтел вентилятор. Лют брезгливо поднес ладонь к глазам: после пощечины она была влажной от пота, а он никогда не потел. Патрик не двигался, боясь потерять отбитую щеку. Он сдавленно выговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.